

Антропологический аспект натурфилософии И. С. Тургенева и А. И. Герцена: опыт сравнительно-сопоставительного анализа

В. М. ГОЛОВКО

(СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В сравнительно-сопоставительном плане рассматривается бинарная оппозиция природы и человека в философской интерпретации двух великих современников — И. С. Тургенева и А. И. Герцена. Ключевые слова: сущее, бытие, натурфилософия, человек и природа, природа человека, сущность человека, сознание, онтологическая драма человека, И. С. Тургенев, А. И. Герцен.

Основные константы художественного мира И. С. Тургенева — человек и природа, личность и история — выступают как бинарные философские оппозиции, являющиеся эстетическим выражением внутренней конфликтоорганизованности натурфилософии и историософии писателя. Осознание трагического, неразрешимого противоречия между экзистенцией «живого», «конкретного индивида» и «бесконечной гармонией» «равнодушной природы» пришло к Тургеневу очень рано. О «грубом равнодушии природы» к человеку, страдающему еще и от «жестокости себе подобных», писал он Полине Виардо 29–30 мая (10–11 июня) 1849 г. (Тургенев, 1960–1965, П. I: 470). Натурфилософия Тургенева-художника в полном смысле слова «его создание», его «философическое убеждение» (там же, П. I: 532), и ее рассмотрение в контексте развития философской мысли А. И. Герцена актуализирует изучение проблем онтологии и антропологии двух великих современников.

Обоснование органической связи «истории и природы», мысли о том, что «история человечества — продолжение истории природы» (Герцен, 1955, т. 2: 140–141, 87), существенно для философских работ А. И. Герцена первой половины 1840-х годов, прежде всего для «Писем об изучении природы» (1844–1845). Они были хорошо известны И. С. Тургеневу, и в его сочинениях, эпистолярном наследии, статьях и корреспонденциях можно обнаружить немало созвучных А. И. Герцену-философу идей. В осмыслении противоречивой взаимосвязи человека и природы, личности и истории Тургенев, как ни парадоксально это выглядит на первый взгляд, находил методо-

логическую поддержку в философских идеях Герцена, с диалектических позиций рассматривавшего вопросы «об отношении мышления к бытию», о «возвышении» природы «от формы в форму», о «распадении человека с внешней природой», «с самим собою» и «относительной противоположности... человека природе», об «историческом мышлении» как «родовой деятельности человека» (там же, т. 2: 113, 87, 131, 136, 137, 88, 133).

Интегрирование в художественном мире И. С. Тургенева «современно-бытового» (социально-исторического), архетипического («вечного») и «космического» (натурфилософского) — основных составляющих этого мира (Лотман, 1997: 728) — обусловило философскую насыщенность не только романов, но и всех тургеневских произведений, определило органическую взаимосвязь в поэтике писателя «социального реализма» и мифологизма (на что обращается внимание, в частности, в работах Ю. М. Лотмана, В. А. Недзвецкого, ряда американских и европейских славистов), и абсолютизация любой из этих составляющих лишает исследовательские интерпретации творчества писателя достоверности и объективности.

Натурфилософский «пояс» тургеневских произведений сопряжен в первую очередь с рефлексией универсальных стихий, сверхчувственных форм сущего и бытия (не идентифицирующихся в формах опыта, поскольку он бессилен в постижении загадочных сторон жизни, ее многомерности и многообразия), а также проблем онтологии человека. Бытие, природа, жизнь, смерть, душа, истина, свобода, человек, «завершающий все стремления

и усилия природы» (Герцен, 1955, т. 2: 131), всегда оставались для писателя предметами «неистребимой жажды разума» (Кант, 1994: 582), жажды познания. В «Воспоминаниях о Белинском» (1869) он писал о том, что «философические вопросы о значении жизни, об отношениях людей друг к другу и к божеству, о происхождении мира, о бессмертии души и т. п.» «тревожат... не дают покоя человеку, особенно в молодости» (Тургенев, 1960–1965, С. XIV: 27).

Художественные, литературно-критические сочинения и письма даже раннего Тургенева дают представление о его попытках гармонизировать, диалектически «примирить противоречия» человеческого «я» и «целого» природы (там же, С. I: 225). Постигая «истинный смысл природы» в духе натурфилософии Гете, Тургенев писал С. Т. Аксакову в феврале 1853 г.: «Бесспорно, что вся она [природа. — В. Г.] составляет одно великое, стройное целое — каждая точка в ней соединена со всеми другими — но стремление ее в то же время идет к тому, чтобы каждая именно точка, каждая отдельная единица в ней существовала исключительно для себя... <...> Как из этого разъединения и раздробления, в котором, кажется, все живет только для себя, — как выходит именно та общая, бесконечная гармония, в которой, напротив, все, что существует, — существует для другого, в другом только достигает своего примирения или разрешения — и все жизни сливаются в одну мировую жизнь, — это одна из тех «открытых» тайн, которые мы все и видим и не видим» (там же, П. II: 124–125). (В данном случае И. С. Тургенев привел фрагмент из своей рецензии на «Записки ружейного охотника» С. Т. Аксакова, запрещенный цензурой. — В. Г.). Сходные положения формулировал в «Письмах об изучении природы» А. И. Герцен: «...это один из самых верных, существенных моментов понимания природы («бесконечная индивидуализация». — В. Г.): в ее понятии необходимо лежит эта рассыпчатость и целостность каждой части, так же, как непрерывность и единство...<...>...Природа не только внешность для нас — она сама по себе только внешность; ее мысль сознательная, пришедшая в себя — не

в ней, а в другом (т. е. в человеке)...» (Герцен, 1955, т. 2: 110, 130). Философ раскрывал диалектику «всеобщего единства», «целости каждой точки» («для себя бытия») и «целости природы» (там же, т. 2: 110).

Тургенева и Герцена в равной мере отталкивал пантеизм натурфилософии раннего Шеллинга (хотя Герцен, по словам В. В. Зеньковского, и «мыслил в линиях виталистической натурфилософии (в духе Шеллинга)» (Зеньковский, 1999: 333), и привлекал «глубокий реализм» Гете (Герцен, 1955, т. 2: 118). «Реальное, истинное понимание природы» поэта-мыслителя, для которого «природа» есть сама «жизнь» (там же; Гете, 1963: 488), импонировало Герцену в такой же мере, как и Тургеневу. Художественно-философской антропологии последнего близки положения Гете о том, что природа «кажется... только и хлопочет о том, чтобы создавать личности, — и личности ей ничего не значат. Она беспрестанно строит и беспрестанно разрушает» (Тургенев, 1960–1965, П. II: 125). (Ср. в переводе Н. Манн (Гете, 1963: 488): «Индивидуальность как будто бы главное для нее. Но индивидуумов она и знать не хочет. Она вечно строит и вечно разрушает, и мастерская ее неприступна»). В философской увертюре «Поездки в Полесье» (1857) Тургенева лейтмотивом является мысль о том, что «личности Природе ничего не значат»: «Мне нет до тебя дела, — говорит природа человеку, — я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть. <...> Трудно человеку, существу единого дня... выносить холодный, безучастно устремленный на него взгляд вечной Изиды... Он чувствует, что последний из его братьев может исчезнуть с лица земли — и ни одна игла не дрогнет на этих ветвях; он чувствует свое одиночество, свою слабость, свою случайность...» (Тургенев, 1960–1965, С. VII: 51).

Онтология Тургенева со всей очевидностью не вписывалась в христианскую картину мира, которая в культуре того времени репрезентировала господствующее мировоззрение. Мыслящий диалектически, писатель понимал жизнь «как постоянно побеждаемое противоречие» (там же, С. XIV: 79), ему были близки мысли Гете о том, что природа «изменяется вечно, не зная ни единой минуты покоя» (Гете,

1963: 489), как и утверждения Герцена, доказывавшего, что «жизнь природы — непрерывное развитие», «она — процесс, она — течение, перелив, движение» (Герцен, 1955, т. 2: 131, 132). Жизнь представлялась Тургеневу процессом, подчиняющимся «Закону своего существования» (Тургенев, 1960–1965, П. I: 481). В июле 1849 г. он писал Полине Виардо: «Тысячи миров, в изобилии разбросанных по самым отдаленным глубинам пространства, суть не что иное, как бесконечное распространение жизни... Это произведение непреодолимого, невольного, бессознательного движения, которое не может поступать иначе; это не обдуманное творчество» (там же). В таких утверждениях Тургенев солидаризировался с Герценом, писавшим в «Письмах об изучении природы»: «Искать в истории и в природе того внешнего и внутреннего порядка, который вырабатывает себе чистое мышление в своем собственном элементе, где внешность не препятствует, куда случайность не восходит, куда самая личность не принята, где нечему возмутить стройного развития, — значит вовсе не знать характера истории и природы» (Герцен, 1955, т. 2: 140–141).

Когда Тургенев отмечал, что человек связан с природой «тысячью неразрывных нитей: он сын ее» (Тургенев, 1960–1965, С. V: 414), то имел в виду происхождение, родство, близость со всем сущим в «одной мировой жизни» (там же, С. V: 416), но и одновременно — то «духовное», в котором запечатлено все многообразие человеческих проявлений, собственно человеческое бытие. По сути, он человека понимал как единство противоположных, но органично связанных друг с другом начал — «природы» и «духа» («мысли», «сознания», «культуры»), в этом единстве усматривал человеческую сущность, то, что возвышает человека над природой, вселенной. Герцен «дух», «разум», «сознание», «логику» рассматривал как доказательство того, что «человек имеет свое мировое призвание в той же самой природе, доканчивает ее возведением в мысль» (Герцен, 1955, т. 2: 131), потому «история деяния духа» есть выражение «одействования личности» (там же, т. 2: 88). Тургенев и Герцен в «реальном понимании природы» (там же, т. 2: 118) опирались на гетевское положение,

согласно которому, «кто говорит о природе, должен предполагать дух», на «*Metamorphose der Pflanzen*» немецкого философа-поэта, поскольку в этом сочинении воплощалось понимание того, что «природа — жизнь, та же жизнь», которая в самом поэте, «и потому она ему понятна» (там же), но трактовали это положение в секуляритивном плане. Для Тургенева признание противоречивого единства «природы» и «духа» в человеке было обоснованием не только деятельностной сущности личности, но и «отделения» от природы живого, конкретного индивида.

Показательна в этом отношении его апелляция к «Мыслям» Паскаля. Паскаль, писал он в лирико-философском «отрывке» «Довольно», «называя человека мыслящим тростником, говорит, что если бы целая вселенная его раздавила, — он, этот тростник, был бы все-таки выше вселенной, потому что он бы знал, что она его давит, а она бы этого не знала» (Тургенев, 1960–1965, С. IX: 117). Человек, сознающий, что его «жизнь — это красноватая искорка в мрачном и немом океане Вечности», «отважно провозглашающий свое собственное ничтожество... перед божественной волей... тем самым возвышается до равенства с... божеством, игралищем которого человек признает себя» (там же, П. I: 458, 449). Это высказывание Тургенева является, скорее, аллюзией, воскрешающей в памяти высший символ мировоззрения Гете — идею Природы-Бога, поскольку русский писатель не был сторонником божественного происхождения мира и человека. Здесь существенно другое — идея величия человека в «знании» собственного «ничтожества», в самом осознании «совершения» над ним «каких-то вечных, неизменных, но глухих и немых законов» бытия (там же, П. V: 70).

Герцен и Тургенев сближались в понимании диалектики «природы» и «духа», воплощаемой в человеческом «Я». «Разве напрасно все духовное в природе соединилось в одну светлую точку, которая называется «Я»? Чем была бы природа без нас — чем были бы мы без природы? И то и другое немислимо!» (там же, П. I: 437). «...Чего недостает природе, то есть, то развивается в человеке, — словно продолжает мысль Тургенева Герцен; — на чем же

может основываться действительная противоположность их? Это был бы бой неравный и невозможный. <...> Все стремления и усилия природы завершаются человеком; к нему они стремятся, в него впадают они, как в океан. Последний вывод, венчающий все развитие природы, — человеческое сознание...» (Герцен, 1955, т. 2: 131). Типология мировоззренческих основ философской антропологии Тургенева и Герцена обусловила сходность приведенных суждений, первое из которых относится к концу 1840 — началу 1841 г. (письмо Тургенева к Беттине Арним), второе — к 1845 г. (второе «Письмо» из «Писем об изучении природы» Герцена).

Неповторимое я — «одна светлая точка» — рассматривалось Тургеневым как порождение и продолжение Вселенной, природы: «...Тесная связь человеческого духа с природой, — писал он Беттине Арним, — не случайно самое приятное, самое прекрасное, самое глубокое явление нашей жизни: только с духовным началом, с идеями может так глубоко сочетаться наш дух, наше мышление. Однако для того, чтобы иметь возможность вступить в этот союз, надо быть таким же правдивым как сама природа, чтобы каждый замысел природы, каждое ее движение претворились в человеческой душе непосредственно в сознательные мысли, в духовные образы» (Тургенев, 1960–1965, П. I: 435–436). Существенно, что понимание вопроса о человеке как закономерном развитии природы, о мышлении как ее порождении и продолжении, связывало Тургенева с Герценом, с теми материалистическими идеями, которые составляют основное содержание «Писем об изучении природы». «...Природа не заключает в себе всего смысла своего — в этом ее отличительный характер; именно мышление и дополняет, развивает его, — писал Герцен, — природа — только существование и отделяется, так сказать, от себя в сознании человеческого для того, чтоб понять свое бытие; мышление делает не чуждую добавку, а *продолжает необходимое развитие* (выделено мною. — В. Г.), без которого вселенная не полна, — то самое развитие, которое начинается со стихийной борьбы, с химического сродства и оканчивается самопознающим мозгом человеческой головы»

(Герцен, 1955, т. 2: 108). Это то же представление о «природе человека», которое параллельно с философскими работами Герцена развертывается в письмах Тургенева 40-х годов Б. Арним, П. Виардо и т. д. «Этот разум, эта сущая истина, — словно возвращает нас Герцен к теме, поднятой Тургеневым, — это развивающееся самопознание... усваивает в себе все сущее, раскрывая идею его» (там же, т. 2: 114). Как и Тургенев, А. И. Герцен считал, что «сознание есть самопознание; оно начинается с познания себя как другого и достигает сознания себя как себя; сознание — вовсе не постороннее для природы, а высшая степень ее развития...» (там же, т. 2: 130). Писатель вполне разделял мнение Герцена о том, что «природа не имеет силы над мыслью, а мысль есть сила человека» (там же, т. 2: 131). Вспомним слова из «Гамлета и Дон-Кихота» Тургенева: «...всякое самосознание есть сила» (Тургенев, 1960–1965, С. VIII: 176).

Итак, Тургенев и Герцен с диалектических позиций освещали вопросы о «бытии и мышлении», о материи и сознании, в свете которых ими рассматривались «противоречия между природой и человеком» (Герцен, 1955, т. 2: 137). Тургеневскому пониманию человека как «светлой точки» вполне соответствовала мысль Герцена о том, что «природа, собираясь на каждой точке, оканчивается человеческим я; в нем она достигает своей цели» (там же, т. 2: 86), а также герценовской идее — «где начинается сознание, там начинается нравственная свобода» (там же, т. 2: 88), соответствовало глубокое убеждение Тургенева о внутренней связи «сознания» и «свободы» (Тургенев, 1960–1965, С. XIV: 9). С таких позиций и в статье о переводе М. Вронченко «Фауста» И.-В. Гете Тургенев рассматривал плюсы и минусы романтической «апофеозы личности», того же проявления «романтического идеализма», который был предметом полемики Герцена-философа (Герцен, 1955, т. 2: 115).

Вопросы «отношения значения к предмету, мышления к бытию, человека к природе» (там же, т. 2: 98) оказались в центре философских исканий Тургенева и Герцена в 40-е годы, и к сходным решениям они приходили независимо друг от друга.

«Природа человека» Тургеневым, мыслителем и художником, трактовалась как философское понятие, сопряженное в первую очередь с категориями «сущность человека» и «индивидуальность». «Чем всестороннее, тем индивидуальнее» (Тургенев, 1960–1965, П. I: 436) — это «крылатое выражение» вбирает в себя не только «природные», но и личные, социальные характеристики индивида. Писатель актуализировал десубстанциональный, процессуальный подход к человеку, поскольку в его понимании «природа человека», «сущность человека» — категории не совпадающие, хотя и взаимосвязанные. В трактовках «сущности человека» (важнейшей аксиологической константы тургеневской художественной антропологии) писатель, как и Герцен, шел в одном направлении с Марксом, рассматривавшим «сущность человека» как «совокупность общественных отношений» («Тезисы о Фейербахе»), предвосхищал экзистенциализм, феноменолого-герменевтическую антропологию и т. д. «Сущность человека» как ценностная категория у Тургенева неотрывна от идеи «существования», жизнедеятельности, живого многообразия, целостности, гармоничности личности. Эта категория маркирует социально-эстетический идеал писателя, изнутри освещающий его художественный мир, определяющий смысловые и аксиологические доминанты, «внутреннюю форму» (Гете) (Вальцель, 1928) его произведений. Саморефлексия, самоактуализация, самопроектирование и реализация личностного потенциала в собственной жизнедеятельности — это, по Тургеневу, является природным (родовым) основанием человека. «Природа» и «сущность» индивида в качестве собственно человеческого бытия раскрываются в формах реализации нравственного выбора личности, осуществления главной жизненной цели — самоотверженного служения общественно-нравственному долгу. «Сущность человека» объективируется в стремлении к «истине», свободе и творчеству (деятельности), концептуализируется не в идее «счастья», а в категории «достоинства» человека (Тургенев, 1960–1965, С. VI: 179). Концепт «достоинство» в художественно-философском человекозна-

нии Тургенева в поразительном единстве сплавляет сущее, онтологическое и экзистенциальное.

Но «примирения противоречий» между природой и человеком, «действительного примирения, того окончательного аккорда, в котором разрешались бы все предшествовавшие диссонансы» (там же, С. I: 225), мы не находим в натурфилософии писателя. Диалектическая трактовка проблемы природы и человека не отрицала и не исключала трагического начала в художественной онтологии Тургенева. С Герценом писатель сближался в общеметодологическом подходе к философии природы, но с положения о неизбежном «распадении человека с природой» направления их мыслей явно расходились. Если для автора сочинений «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы», «С того берега» и др. в «распадении», «расторженности» человека с «внешней природой» и «даже с самим собою» нет ничего трагического — несмотря на признание «слепой игры сил в природе» (Зеньковский, 1999: 332–333), — поскольку человек «долго остаться в начальном согласии с природою, с миром... не мог», а «мученье» от осознания этой «расторженности» с внешней природой и самим собою только «гонит его вперед», и у него «является потребность *знания*, потребность второго усвоения и покорения внешности» (Герцен, 1955, т. 2: 136, 137), то для Тургенева «проснувшееся сознание» и «распадение природного единства в человеке» (Гершензон, 1919: 18) со всей неизбежностью влекут за собой «онтологическую драму». *Знание* для человека в художественном мире Тургенева — не только «сила», но и проявление рефлексирующего сознания, констатирующего отсутствие гармонии с миром природы. Потому для Тургенева и история не «связует природу с логикой», т. е. с «духом», как для Герцена, считавшего, что «разум природы только в ее существовании, — существование логики только в разуме; ни природа, ни логика не страдают, не раздираются сомнениями; их не волнует никакое противоречие; одна не дошла до них, другая сняла их в себе, в этом их противоположная неполнота» (Герцен, 1955, т. 2: 133). В онтологии Герцена диалектическое

«примирение» противоречий между природой и человеком находит выражение в сфере родового как общеисторического, общечеловеческого: «...ни человечества, ни природы нельзя понять мимо исторического развития. Различие этих историй состоит в том, что природа ничего не помнит, что для нее былого нет, а человек носит в себе все бывшее свое; оттого человек представляет не только себя как частного, но и как родового» (там же, т. 2: 132). Такая диалектика не могла опровергнуть представление Тургенева о «тщете всего земного» перед лицом «вечной и пустой беспредельности» (Тургенев, 1960–1965, П. III: 85; П. I: 460), как не могла и помочь в преодолении «не знаю», когда человек оказывается перед вопросом: «Но что же такое эта жизнь?» (там же, П. I: 481).

И в письмах Тургенева, и в его произведениях — как литературных, так и в критико-публицистических, мемуарных — сохраняется та атмосфера трагического, которая определялась размышлением-анализом несоединимости «необдуманного творчества» Природы-Жизни, «Законов ее существования» (там же) и человеческих представлений о ценностных критериях, определяющих само понятие смысла жизни, индивидуального, личностного бытия, значимости творческой деятельности человека. Природа, «вечная Изида» учит «смирению» (там же, С. VII: 51; П. II: 365). В «Поездке в Полесье» формулируется ее «неизменный закон» — закон «равновесия жизни»: «Все, что выходит из-под этого уровня — кверху ли, книзу ли, все равно, — выбрасывается ею вон, как негодное» (там же, С. VII: 70). (Ср. со стихотворением в прозе И.-В. Гете «Природа», см.: Гете, 1963: 489–490). Тургенев различал *сущее* и *бытие*. *Сущее* — это «неизменный закон... равновесия жизни», «бесконечная гармония» «мировой жизни», *бытие* — только предикат. *Сущее* как «таинственный смысл... жизни природы» — это, по его словам, «одна из тех “открытых” тайн, которые мы все видим и не видим» (Тургенев, 1960–1965, С. VII: 69–70; V: 416). *Сущее* обладает *бытием*. Противоположность *бытия* — «пустая беспредельность», «пустота», «древняя ночь» (там же, П. I: 460; С. IX: 115;

П. I: 470). Существование как форма бытия, возникающего из сущего, в онтологии Тургенева трактуется как реальность, обуславливающая ценность единичной, конкретной «живой жизни», уникального, конечного («мгновенного») бытия — и не только человека, но всего живого. Закон «равновесия» Тургенев трактовал все же не в том «виталистическом духе», как Герцен, писавший в книге «С того берега»: «Жизнь — и цель, и средство, и причина, и действие... это есть вечное беспокойство деятельного, напряженного вещества, отыскивающего равновесие, чтобы снова потерять его» (Герцен, 1955, т. 3: 321).

Вместе с тем следует подчеркнуть, что «философский пессимизм» Тургенева, метафизические начала его эстетического мира органически вписываются в бытийную концепцию писателя; в парадигме «реального понимания природы» они реализуются полноценно. В процессе такой философской рефлексии раскрывалась писателем «онтологическая драма человека» и осуществлялись поиски той идеи «исторического развития» (там же, т. 2: 135–136, 132), в которой философия его времени в лице А. И. Герцена интерпретировала «единство личности» («обобщение себя»), «человечество» и «природу». Но если Герцен, рассматривавший человеческое сознание «как венец всего развития природы», как «высшую степень ее развития», не противопоставлял «разум», «логический процесс» — «единственное всеобщее средство человеческого понимания» — природе, считал, что «история связует природу с логикой», то Тургенев во все не воспринимал в качестве риторического такой вопрос: «Что может быть смелее предположения, что последний вывод, венчающий все развитие природы, — человеческое сознание — в разногласии с нею?» (там же, т. 2: 131, 108, 133, 131). Утверждение Герцена, скорее всего, для Тургенева не было безусловным, как и уверенность философа в том, что любое сомнение в этом — «одна мысль наша», «ни к чему не отнесенная», «какая-то блуждающая комета» (там же, т. 2: 131). Человек, рефлектирующий в художественном мире писателя, находится в оппозиции «не обдуманному творчеству» природы (Тургенев,

1960–1965, П. I: 481) (вспомним «Стено», «Отцы и дети», «Довольно», «Senilia» и др. произведения). Герцен тоже констатировал тот факт, что человек, «подтверждая только свое тождество с собою», «непрерывно распадается со всей вселенной, со всем тем, что он чувствует не принадлежащим своему я» (Герцен, 1955, т. 2: 138). «Это — неминуемое, мучительное последствие логического эгоизма, — продолжал философ. — И с него, собственно, начинается логическое движение, стремящееся выйти из скорбного распада; оно возвращает человека из этой антиномии к гармонии — но уже не тем, каким он вышел. Человек начинает с непосредственного признания единства бытия с *воззрением* и оканчивает ведением единства бытия с мышлением. Распадение человека с природой, как вбиваемый клин, разрывает мало-помалу все на противоположные части, даже самую душу человека, — это *divide et impera* логики, путь к истинному и вечному сочетанию раздвоенного» (там же). Мы привели столь пространную цитату из «Писем об изучении природы» с той целью, чтобы показать, что диалектика привела Герцена к определению путей «возвращения человека из... антиномии к гармонии», но также и с целью подчеркнуть, что Тургенев, хорошо знакомый с этим философским сочинением (см.: Тургенев, 1960–1965, С. XIV: 48), пытался утвердиться в мысли, что «история связует природу с логикой». Однако вопрос о «гармонии» человека и природы всегда сохранял для него проблемную остроту. Трагическое в художественном мире писателя как раз и подкреплялось глубоким сомнением в возможности определения «пути к истинному и вечному сочетанию раздвоенного», хотя он, видимо, не раз возвращался к герценовской диалектике: «Единое для того расторгнулось в противоположное, чтобы соединиться в истории. Природа и логика сняты и осуществлены ею» (Герцен, 1955, т. 2: 85). Во всяком случае, логике исканий Тургенева в области художественного человековедения не противоречил аспект антропологии Герцена, который фиксируется таким императивом: в стремлении «обобщить себя» «человек должен... понять себя родом» (там же, т. 2: 137).

Писатель сходил с Герценом не только в понимании того, что «формы исторического мира так же естественны, как формы мира физического», но и в признании «родового значения человека — быть истинною для *себя* и *другого* (то есть природы)» (там же, т. 2: 94, 130). Именно об этом Тургенев писал Беттине Арним в конце 1840 г., доказывая необходимость «содержательного... общения» человека с природой, поскольку «истина есть не что иное, как *природа человека*» (выделено мною. — В. Г.) (Тургенев, 1960–1965, П. I: 436). Тургеневские оппозиции человека и природы, личности и истории, «индивидуального» и «общественного» начал в человеке — это не выражение «сосуществования» в мировоззрении писателя взаимоисключающих систем (материализма и идеализма, диалектики и метафизики), а бинарные оппозиции в рамках единой, целостной — «реальной» — воззренческой парадигмы. Мы можем утверждать, что методологический принцип художественного познания Тургенева, как и философского — Герцена, был монистическим¹ (не дуалистическим, не плюралистическим), не исключаящим, а предполагающим внутренние воззренческие оппозиции, диалог не только между писателями, но и (поскольку, по словам М. М. Бахтина, «понимание всегда в какой-то мере диалогично» [Бахтин, 1986: 306]) каждого из них — с самим собою или с другим.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Примечательно, что сын А. И. Герцена — А. А. Герцен (1839–1906), занимавший должность профессора физиологии в Лозанском университете, в своей книге «Общая физиология души», открывавшейся письмом к нему А. И. Герцена «по вопросу о свободе воли», подчеркнуто отмечал, что он как ученый «примыкал к монизму» (Герцен, 1894: 12).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин, М. М. (1986) Эстетика словесного творчества. М.: Искусство.
 Вальцель, О. (1928) Художественная форма в произведениях Гете и немецких романтиков // Проблемы литературной формы: сб. ст. / под ред. и с предисл. В. М. Жирмунского. Л.: Academia. С. 70–104.

Герцен, А. А. (1894) *Общая физиология души* / пер. Г. Паперна. СПб. : Изд-во Ф. Павленкова.

Герцен, А. И. (1955–1958) *Собр. соч.* : в 9 т. М. : Художественная литература.

Гершензон, М. О. (1919) *Мечта и мысль* И. С. Тургенева. М. : Кн-во писателей в Москве.

Гете, И.-В. (1963) *Природа* // Гете И.-В. *Избранное*. М. : Детская литература.

Зеньковский, В. В. (1999) *История русской философии* : в 2 т. М. ; Ростов н/Д. : Феникс. Т. 1.

Кант, И. (1994) *Критика чистого разума* // Кант И. *Соч.* : в 8 т. М. : Чоро. Т. 3.

Лотман, Ю. М. (1997) *О русской литературе : ст. и исследования (1958–1993)*: История русской прозы. Теория литературы. СПб. : Искусство.

Тургенев И. С. (1960–1968) *Полн. собр. соч. и писем* : в 28 т. *Соч.* : в 15 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. *Письма* : в 13 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР.

*THE ANTHROPOLOGICAL ASPECT
OF I. S. TURGENEV'S AND A. I. HERZEN'S
NATURAL PHILOSOPHY: AN EXPERIENCE
OF COMPARATIVE AND CONTRASTIVE
ANALYSIS*

V. M. Golovko

(North Caucasian Federal University)

The binary opposition of nature and human being, interpreted in terms of two significant contemporaries' philosophy — I. S. Turgenev's and A. I. Herzen's — is analyzed in comparative and contrastive aspect.

Keywords: things in existence, entity, nature philosophy, human being and nature, human nature, human essence, consciousness, person's ontological drama, I.S. Turgenev, A.I. Herzen.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Bakhtin, M. M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva*. М. : Iskusstvo.

Val'tsel', O. (1928) *Khudozhestvennaia forma v proizvedeniiakh Gete i nemetskikh romantikov* // *Problemy literaturnoi formy* : sb. st. / pod red. i s predisl. V. M. Zhirmunskogo. L. : Academia. S. 70–104.

Gertsen, A. A. (1894) *Obshchaia fiziologija души* / per. G. Paperna. SPb. : Izd-vo F. Pavlenkova.

Gertsen, A. I. (1955–1958) *Sobr. soch.* : v 9 t. М. : Khudozhestvennaia literatura.

Gershenzon, M. O. (1919) *Mechta i mysl'* I. S. Turgeneva. М. : Kn-vo pisatelei v Moskve.

Gete, I.-V. (1963) *Priroda* // Gete I.-V. *Izbrannoe*. М. : Detskaia literatura.

Zen'kovskii, V. V. (1999) *Istoriia russkoi filosofii* : v 2 t. М. ; Rostov n/D. : Feniks. Т. 1.

Kant, I. (1994) *Kritika chistogo razuma* // Kant I. *Soch.* : v 8 t. М. : Choro. Т. 3.

Lotman, Iu. M. (1997) *O russkoi literature : st. i issledovaniia (1958–1993)*: *Istoriia russkoi prozy. Teoriia literatury*. SPb. : Iskusstvo.

Turgenev I. S. (1960–1968) *Poln. sobr. soch. i pisem* : v 28 t. *Soch.* : v 15 t. М. ; L. : Izd-vo AN SSSR. *Pis'ma* : v 13 t. М. ; L. : Izd-vo AN SSSR.